

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).062

Т. Ю. Айдунова

ПЕТР I И АЛЕКСЕЙ: ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ЦАРЕВИЧА

В статье рассматривается трансформация общественного сознания на фоне отмены крепостного права и других реформ к личности Петра I, в том числе и к гибели царевича Алексея. Автор на основе источников наглядно показывает, насколько острым был вопрос трагедии царевича Алексея, когда его затронули издатели альманаха «Полярная звезда» в лондонской Вольной русской типографии А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В полной мере принимая версию гибели царевича Алексея, изложенную в письме гвардии капитана А. Румянцева Д. И. Титову, пропагандируя и распространяя ее в своем альманахе «Полярная звезда», А. И. Герцен вместе с тем был далек от того, чтобы видеть в Петре I только лишь чудовищного тирана и убийцу своего сына. Взгляд его на первого российского императора был значительно более противоречивым и соответствовал представлению его о ходе истории страны в целом. В своем анализе процесса развития революционных идей в России Герцен находил для царя место в этом процессе. Причем из рассуждений Герцена следует, что в этом ничего парадоксального не было. Напротив, историческое место Петра Великого в становлении и развитии революционной идеи в полной мере соответствовало, по мысли Герцена, всему ходу отечественной

истории, было для нее органично. Вместе с тем, как подчеркивал автор, революционная роль Петра Великого в истории России сводилась к тому, что благодаря его реформам личность освобождалась от гнета старых традиций, но не от гнета вообще, поскольку на место старого становился новый гнет. Таким образом, автор отмечает, что в революционно-демократической мысли России пятидесятих-шестидесятих годов XIX в. тема Петра I занимала очень заметное место. Совершенно очевидно, что отношение демократов к царю и к его реформам было в целом положительным, эти реформы признавались необходимыми для страны, для дальнейшего развития русского общества. Автор уточняет, что с точки зрения революционно-демократической мысли, Россия петровского времени представляла собой совершенно новый этап в историческом развитии страны, поскольку в результате революционных действий Петра I традиционный «византизм» Московского государства был разрушен. Автор отмечает, что по мнению революционно-демократической мысли эта революция, не принесла никакой свободы русскому обществу.

Ключевые слова: историческое сознание, Российская империя, Петр Первый, российское самодержавие, царевич Алексей.

T. Aidunova

PETER THE FIRST AND ALEXEY: DEMOCRATIC HISTORICAL IDEAS AND DISCUSSION ABOUT THE DEATH OF PRINCE

The article deals with transformation of public consciousness and the image of Peter the First and the death of Tsarevich Alexey in the context of the abolition of serfdom and other reforms. With the reference to a number of historical sources, the author demonstrates how important the issue of Tsarevich Alexey's death was. Free Russian Publisher House of Alexander Gertsen and Nikolay Ogarev touched upon it in the Polyarnaya Zvezda almanac. Adopting the version of Tsarevich Alexey's death as presented in Captain A. Rumyantsev's letter to D. Titov, propagandizing and disseminating this version in the Polyarnaya Zvezda almanac, Gertsen was far from viewing Peter the Great as tyrant and killer of his son. Gertsen's opinion of the Russian Emperor was much more controversial and corresponded with his ideas about Russian history in general. In his analysis of Russian revolutionary ideas development A. Gertsen found place for Peter the Great. As Gertsen considered, there was nothing paradoxical in that fact. Historical position of Peter the Great fully corresponded with general

development of Russian history. At the same time, as the author argued, revolutionary role of Peter the First was connected with the fact that thanks to the reforms people were freed from the old traditions but not from oppression itself. Previous repressions were replaced by new oppression. As result, the author emphasizes that the topic about Peter the First was important for revolutionary ideas of 1850s and 1860s. It is evident that democrats of this period positively evaluated the tsar and his reforms. The reforms were recognized as useful for the country and for future development of the society. The author clarifies, that in in the view of democrats, Peter's Russia was a new stage of historical development of the country because of traditional 'byzantinism' of Moscow state was destroyed. As author argues that revolutionary democrats believed that revolution did not bring freedom to Russian society.

Key words: historical consciousness, Russian Empire, Peter the Great, Russian monarchy, Tsarevich Alexey.

Со смертью Николая I в России наступил новый период ее исторического развития, в ходе которого произошла отмена крепостного права и другие буржуазные реформы. Но уже до отмены крепостного права при новом императоре Александре II началось время совершенно новое, для которого, по отзывам современников, гласность стала одним из наиболее типичных признаков. Если еще совсем недавно реальные проблемы страны и общества по существу не обсуждались, то в условиях, наступивших после поражения в Крымской войне, «кризис общественного сознания», на который справедливо указывает за последнее время И. А. Христофоров, стал очевидным для общества фактом. Сущность этого кризиса выражалась, по его словам, в том, что «вдруг стало явным абсолютное несоответствие официальной картинки и реальности» [4, с. 36]. Относилось это в том числе к такой основе существовавшего порядка, как самодержавный строй, что не могло не затронуть сложившегося в русском историческом сознании образа основоположника императорской России Петра Великого. Это было не случайно. Идеология николаевского абсолютизма строилась на почитании первого российского императора как личности, положившей начало могуществу Российской империи и четко определившей место ее среди стран Европы. Как замечал внимательный французский наблюдатель, маркиз А. де Кюстин, в 1839 г. царь на одном из светских празднований говорил ему: «уверен, что вы поймете меня: мы продолжаем дело Петра Великого» [3, с. 481].

Изменения общественного настроения хорошо уловили издатели альманаха «Полярная звезда» в лондонской Вольной русской типографии А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В таких условиях в своем альманахе ими было опубликовано будто бы обнаруженный неизвестный ранее источник, проливающий свет на обстоятельства гибели царевича Алексея и на роль в этом его отца, Петра I. Это было письмо гвардии капитана Александра Румянцева, адресатом которого был его «друг и благодетель» Дмитрий Иванович Титов. Письмо не было датировано, также неизвестно, кто такой адресат письма Д. И. Титов, и как он был связан с А. Румянцевым. Принято считать, что оно было написано через месяц после гибели Алексея, 27 июля 1718 г. В начале письма гвардии капитан взвешивает аргументы за и против того, чтобы поведать своему другу и благодетелю столь важную и страшную государственную тайну. Для него и открытие тайны означало опасность того, что он станет «изменник и предатель всепресветлого Державца моего» [7, с. 279], то есть Петра I. Но он рассудил, что сокрытие от «благодетельца моего» «измена жесточае будет» [7, с. 280]. Тем самым Румянцев не только поделился с Титовым своими сомнениями и опасениями, но и подчеркнул, насколько важно держать в тайне все, что касается содержания этого письма. В письме приводятся сведения со ссылкой на нормы Священного Писания и Уложения 1649 г. об обвинении Алексея, с обоснованием правомерности смертной казни

для него за государственное преступление, заключающееся в умысле на убийство отца и царя.

Кульминация повествования в письме, его смысловая нагрузка – в рассказе о вызове к царю самого Румянцева, а также еще троих – тайного советника Петра Толстого, генерал-поручика Бутурлина и гвардии майора Ушакова. В письме приводятся слова Петра I с обоснованием своего личного отношения к сыну и о необходимости решения его судьбы. «Яко человек и отец и днесь я болезную о нем сердцем, но яко справедливый Государь на преступления клятвы, на новья измены уже нетерпимо и нам, бо за всякие нещастия от моего сердолобия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол россия державы всадившему» [7, с. 283–284], – сказал будто бы им Петр. Но он при этом заявлял, что не хочет «поругать царскую кровь всенародно казнию». На этом основании говорится о конкретном поручении, которое давал им он: «но да свершится сей предел тихо и не слышно, яко бы ему умерети от естества предназначенного смертию. Идите и исполняйте, такобы хочет законный ваш Государь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмь!» [7, с. 284]. Таким образом, из письма прямо вытекает, что царь сам послал Румянцева и его подельников убивать Алексея. Далее следуют подробности самого убийства. Главная из них в том, что они его убили в камере на койке, где он лежал, уложив его «на ложницу спиною повалиши», после чего, «взяв от возглавии два пухлика, главу его накрыли, пригнетая дондеже движении рук и ног». В письме приводятся две даты. Смерть Алексея стала «гласна» «около полудни» 26 июня, и произошла она «якобы от кровинаго пострела». Другая дата – 30 июня, когда «тело его с подобающую сыну цареву честию, перевесно из крепости в Троицкий собор», а затем оно «в склеп поставлено в Петропавловском соборе близ тела его Царевичевой супруги» [7, с. 286]. В заключении письма Румянцев еще раз выразил надежду Титову, что «тайна от Вас пребудет». Он приписал, что, «не зная Вас, того и под страхом смерти не написал бы» [7, с. 287].

Обвинение Петра I в убийстве сына было очень прямым и конкретным. Но вскоре после публикации письма в «Полярной звезде» известный историк Н. Г. Устрялов выступил с утверждением о подложности этого письма. Свою аргументацию он привел в шестом томе своей «Истории царствования Петра Великого», посвященной делу царевича Алексея. Как указывал Устрялов, письмо «наполнено грубейшими ошибками историческими» [8, с. 294], из которых он решил в доказательство привести две. Так, в письме говорилось, что любовница Алексея, Евфросинья, которую в письме описали как «скаредную чухонку», «в монастырь на вечное покаяние отослана» [8, с. 281]. Между тем, отмечал Устрялов, на самом деле было не так. Как писал историк, «царь и царица (Екатерина – Т.А.) оказывали ей большую милость, как единственному лицу, склонившему царевича возвратиться из Неаполя» [8, с. 294].

Вторая ошибка, отмеченная Устряловым, состояла в неправильной дате казни замешанных в деле Алексея Авраама Лопухина и протопопа Якова Игнатьева. В письме говорилось, что они «достойно смерти казнены» [7, с. 281]. Между тем, в письме, написанном 27 июля, об этом речи быть не могло. На самом деле, писал Устрялов, «они казнены гораздо после, именно 8 декабря». Отсюда – общий вывод Устрялова. Он состоял в том, что слишком «худо знал составитель письма тогдашние события» [8, с. 294]. Кроме того, среди известных личностей петровского времени не значится Дмитрий Иванович Титов, которому гвардии капитан направлял свое письмо. И, по мнению Н. Я. Эйдельмана, «одним из самых серьезных аргументов Устрялова» было то, что до середины XIX в. о этом письме вообще ничего не было известно. О нем, добавлял Эйдельман, не знал в том числе А. С. Пушкин, «который был знаком с разнообразной литературой, ходившей в списках, и даже имел сверхсекретные мемуары Екатерины II» [10, с. 78]. Из этого вытекал другой и более общий вывод, о письме как о подлоге.

Очень скоро, в 1860 г., ответ Н. Г. Устрялову давал решительный сторонник подлинности письма, историк, общественный деятель и публицист демократического направления М. И. Семевский. После замечаний Устрялова он не решился прямо говорить об этой подлинности, признав по существу, что «в нем есть серьезные противоречия», но добавляя в скобках: «немногие однако». Тем не менее, он указал на обстоятельства, говорившие в пользу достоверности письма Румянцева. К ним он отнес «современный колорит», «живость красок при описании самых мелких подробностей», а также «необыкновенная выдержанность рассказа, тон – именно такой, каким должен был говорить верный денщик Петра Алексеевича», каким был незадолго до описывавшихся событий Румянцев. Еще одним обстоятельством в пользу достоверности письма, приведенным им, было наблюдение за общей ситуацией в культуре того времени. «Подлоги литературные – достояние того периода, в котором литература получила последнее развитие; они являются в эпоху роскоши литературы», – подчеркивал Семевский. В самом деле, в этом отношении Семевский был прав. Эпоха литературных мистификаций и подлогов относилась к другому периоду в развитии культуры, но не к третьей четверти XIX в., когда в «Полярной звезде» было опубликовано письмо Румянцева Титову. Временем распространения такого культурного явления была более ранняя эпоха, романтизм, а также отчасти последние годы культуры Просвещения в конце XVIII в. Поэтому Семевский не представлял, чтобы в пятидесятых годах возникла нужда в подобном подлоге. Составление такого письма потребовало бы высокого искусства и согласования «с характером Петра, с характерами окружающих его лиц». Такое согласование в письме присутствовало. Это делало невозможным изготовление его в другую историческую эпоху, а Устрялов, как он подчеркивал, «не поднял всех этих вопросов» [5, с. 53].

Семевский приводил еще два аргумента. Один из них – «фамильные документы» Румянцевых, которые собирал сын А. Румянцева, генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев. Семевский писал, что «трудно допустить», чтобы прославленный генерал, «тщательно внося в особую тетрадь все фамильные документы, не отличил бы между ними подделку под письмо своего отца» [5, с. 57]. К таким фамильным документам он отнес другое письмо Александра Румянцева, приведенное им в качестве другого аргумента. Оно относится к несколько более раннему времени, когда царевича только привезли в Москву, и когда произошло официальное его отречение от престола вместе с присягой малолетнему царевичу Петру Петровичу как новому наследнику престола. В этом недатированном письме, написанном Румянцевым сыну Д. И. Титова Ивану Дмитриевичу, Семевский особое внимание обратил на обещание Румянцева Титову, «как тое случится, либо иное выйдет, к вам я паки в Рязань отпишу» [5, с. 56]. Несомненно, что он имел в виду что-то важное, что представляло интерес, и о чем можно было писать. Данное письмо, писал Семевский, было опубликовано еще в 1844 г. князем Вл. К-вым (речь идет о князе Владимире Семеновиче Кавкасидзеве) в журнале «Отечественные записки» из рукописей генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Июльское письмо Румянцева Д. И. Титову было, таким образом, выполнением обещания, данного в более раннем письме. Сопоставляя два письма, Семевский указывал, что «манера рассказа, тон тождественны в обоих письмах» [5, с. 57].

Следовательно, тем самым четко обозначились две точки зрения по вопросу о подлинности письма Румянцева Титову. Отсюда возникла источниковедческая проблема, относящаяся к внутренней критике источника и касающаяся вопроса о его достоверности. Н. Я. Эйдельман рассматривал версии происхождения письма. Он не соглашался с мнением о подлоге, совершенном публикатором письма князем Кавкасидзевым. По его мнению, наиболее вероятным составителем опубликованного Кавкасидзевым текста письма был некий Андрей Гри... (вероятно, подпись, с сокращением фамилии.). Он «помнил и знал самого Александра Румянцева, умершего в 1749 г. (именует того своим «высоким благотворцем», «незабвенным и достохвальным, в бозе почившим родителем вашего сиятельства»)» [10, с. 95], имея в виду сына А. Румянцева, генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева. Согласно Эйдельману, письмо появилось вскоре после смерти самого царя, когда греческий автор Катифор написал сочинение «Житие Петра Великого», изданное в 1737 г. в Венеции. В нем содержались в переводе на греческий язык некоторые документы, в том числе письмо Румянцева сыну Д. И. Титова Ивану, текст которого приводился в 1844 г. князем В. С. Кавкасидзевым, а в 1860 г. М. И. Семевским. Не ранее 1743 г., указывал Эйдельман, письмо из сочинения Катифора было переведено на русский язык секретарем коллегии иностранных дел Степаном Писаревым. По-

сле этого появился окончательный текст письма, который возник в результате редактирования переведенного Писаревым письма, сделанного А. Гри... Как писал Эйдельман, вероятно, что «Андрей Гри... действительно скомпилировал и украсил из лучших побуждений, для фельдмаршала Румянцева, отрывки из писаревского перевода Катифора». Отсюда, по его мнению, «очень вероятно», что письмо Румянцева И. Д. Титову «подлинное» [10, с. 95]. Подобное редактирование письма было, по мнению Эйдельмана, не случайным. В середине XVIII в. история «еще не полностью отделилась от литературы», и принцип «строгой научности еще не вытеснил окончательно наивного своеволия древних летописцев вводивших в чужие тексты различные вставки и вовсе не подозревавших, что это – «нельзя»» [10, с. 94–95].

Таким образом, по мнению Н. Я. Эйдельмана, письмо Румянцева И. Д. Титову, опубликованное князем В. С. Кавкасидзевым, было подлинным. По поводу же письма Румянцева Д. И. Титову, опубликованному в «Полярной звезде», Эйдельман высказывался более осторожно. В отличие от М. И. Семевского, он не утверждал, что оно подлинное. Но и, в отличие от Н. Г. Устрялова, он не объявлял его подделкой. По его словам, признание подлинности письма Румянцева Ивану Дмитриевичу Титову «еще не доказывает подлинности» более позднего письма Румянцева Дмитрию Ивановичу Титову. По словам историка, это более позднее письмо «могли подделать, руководствуясь именно первым документом». Но эту мысль Эйдельман не развивал. Наоборот, он подчеркивал, что если настаивать на этом выводе, то «тут мы уж заходим слишком далеко: фактов нет, всяческие умозрительные построения слишком легки» [10, с. 95].

Более определенно о поддельности письма Румянцева Д. И. Титову писал В. П. Козлов, который совершенно определенно отнес его к фальсификациям. «Легко понять деятелей либерально-демократического лагеря в их желании отстоять подлинность письма Румянцева, в котором они увидели документальное разоблачение одной из страниц тайной истории российского самодержавия» [2, с. 193], – справедливо подчеркивал Козлов. Вместе с тем, соглашаясь с доводами Н. Г. Устрялова в пользу признания письма подлогом, Козлов приводил некоторые другие аргументы. Один из них в том, что всего через месяц после смерти Алексея «фактически выдает государственную тайну, что грозит не только его карьере, но и жизни. Трудно поверить, чтобы Румянцев рискнул на такой шаг, а любящий его покровитель (Д. И. Титов – Т.А.) спровоцировал его на это» [2, с. 195]. С этим невозможно не согласиться. Но важнейшим доказательством подложности письма, не указанным Устряловым, Козлов считал текстуальное его соответствие с материалами «Розыского дела» царевича Алексея. Между тем, подчеркивал он, «Розыское дело» появилось позже, чем письмо. И еще один аргумент, которого не было у Устрялова, состоял в том, что

Козлов указывал на быстроту появления письма Румянцева. Прошел только месяц после гибели царевича, и за это время Титов, живший в Рязани, узнал об этом, направил письмо Румянцеву с просьбой рассказать об обстоятельствах гибели, и Румянцев 27 июля писал ему подробное письмо. Такой ход событий, по замечанию Козлова, выглядит «фантастически быстрым» [2, с. 196].

Еще одним аргументом в пользу признания письма как фальсификации может служить описание непосредственно самого способа убийства царевича с помощью удушья. Удушен был Павел I, правда, не подушками, но шарфом [1, с. 131].

На этом основании В. П. Козлов подтверждал вывод Н. Г. Устрялова о письме Румянцева Д. И. Титову как о фальсификации, подлоге. В качестве «концепции письма», по его мнению, было, как это не выглядит неожиданно, вовсе не разоблачение Петра Великого и самодержавного деспотизма вообще, а, напротив, стремление «к оправданию поступков царя». Идея письма – «торжество высшей государственной справедливости». При этом фальсификатор был уверен, что Алексей и в самом деле был убит по приказу Петра I. По замечанию Козлова, действия фальсификатора обернулись «ничем не подтверждаемым историческим мифом», но очень «живучим». Козлов обращал внимание на то, что по языку письмо соответствовало XVIII в. [2, с. 197], то есть было составлено весьма умело. Но, поскольку за это столетие нет ни одного списка этого письма, но они есть за первую половину следующего века, то именно в XIX в. следовало искать самого фальсификатора. Таким фальсификатором был, по его мнению, князь В. С. Кавкасидзев. Он, по словам Козлова, «шел на сознательный обман, обман в высшей степени дерзкий». Но это был обман, «продиктованный его глубокой уверенностью в реальности описанных им событий» [2, с. 198]. Но если Кавкасидзев был фальсификатором, старавшимся как-то оправдать Петра I, то письмо его использовалось противниками самодержавия для идейной борьбы с ним.

Но если источниковедческий вопрос о подлинности или поддельности письма Румянцева Д. И. Титову нельзя считать выясненным совершенно определенно и до конца, если в нем остается место для гипотез, то совершенно очевидно, что публикация письма стала значимым фактом общественной жизни страны накануне отмены крепостного права. Во всяком случае, она способствовала дополнительному привлечению внимания к личности и деятельности Петра I, которое вызывалось публикацией труда Н. Г. Устрялова, и особенно его шестого тома, темой которого была трагедия царевича Алексея, а также к оценке самодержавия вообще. Главную мысль, связанную с этими новыми публикациями о Петре I и царевиче Алексее, четко выразил в своем сатирическом стихотворении «Русская история» поэт-сатирик демократического направления Н. Ф. Щербина: Мы видим – даже Петр Великий Был гениальный самодур» [9, с. 168]. При этом

сам А. И. Герцен ссылался на удушение царевича, о котором говорилось в письме Румянцева Д. И. Титову. Он писал, что «ввиду Алексеевского равелина» «пировал со своими клеветами пьяный отец через несколько часов после того, как задушил измученного пытками сына» [10, с. 96].

Историки обычно обращают внимание на различия между Н. Г. Устряловым, историком благонамеренным, но профессионалом и знатоком источников самого высокого уровня, и М. И. Семевским, историком демократических убеждений и также глубоко знавшим источники петровского времени. На самом деле оба историка по вопросу о кончине царевича сходились в главном: царевич погиб, находясь под арестом в Петропавловской крепости, а гибель его соответствовала воле царя. Расхождение между историками было в деталях, хотя и существенных. Так, если Алексей был убит по прямому приказанию Петра I, как это следует из письма Румянцева Титову, то тень на царя падает в большей степени, чем, если он погиб в результате пыток, но без прямого царского приказа убивать его. Семевский при этом прямо отмечал вклад Устрялова в изучение негативных сторон истории Петра I и его правления. «Последнее время в различных исторических разысканиях с

легкой руки академика Устрялова и с его тяжеловесного VI тома «Истории царствования Петра», мало-помалу начали обнажаться темные углы, мрачные стороны великого царствования», – писал он. В этих словах прослеживается еще одна черта сходства между воззрениями Устрялова и Семевского на петровское царствование. Оба считали это царствование великим. Но при этом Семевский особое внимание обращал на негативную сторону этого царствования, которой были пытки. С позиций историзма, столь характерного для историографии XIX в., Семевский подчеркивал, что Петра Великого за эти пытки осуждать невозможно. Это «все равно, что осуждать его за то, что он не того гуманного взгляда на человеческое достоинство, какое явил Александр I, обнаруживая 27 сентября 1801 года знаменитый указ против пыток» [6, с. 192], – писал он. Тем не менее, утверждение Семевского о подлинности письма Румянцева Титову способствовало развертыванию критики не только Петра Великого, но и самодержавия в целом с либеральных и демократических позиций. Устрялов также, сам того не желая, внес свой вклад в развертывание этой критики.

Источники и литература

1. Зубов В. П. Павел I / перевод с немецкого В. А. Семенова. СПб.: Алетейя, 2007. С.264.
2. Козлов В. П. Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
3. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1991. 719 с.
4. Реформы в России с древнейших времени до конца XX в.: в 4 т. Т.3. Вторая половина XIX – начало XX в. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2016. 765 с.
5. Семевский М. И. Критика // Русское слово. 1860. Январь.
6. Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. Смоленск: Русич, 2000. 701 с.
7. Убиение царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. Журнал Герцена и Огарева в восьми книгах. 1855-1869. Полярная звезда на 16858. Книга 4. М.: Наука, 1967. С. 279–287.
8. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т.6. Царевич Алексей Петрович. СПб. Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859. 671 с.
9. Веркеенко Г. П., Казакова О. Ю. «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805–1870 гг.). Орел: Изд-во ОГУ, 2005. 198 с.
10. Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная русская печать). М.: Мысль, 1973. 368 с.

References

1. Zubov V. P. Pavel I. (*Pavel the First*) / translated by V. Semenov. St.Petersburg: Aleteyja, 2007. P. 264. (In Russian).
2. Kozlov V. P. Tajny fal'sifikacii: (*Secrets of falsification*). Moscow: Aspekt Press, 1996. 272 p. (In Russian)
3. Rossiya pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev (*Russia in the first half of XIX as viewed by foreigners*). Leningrad: Lenizdat, 1991. 719 p. (In Russian)
4. Reformy v Rossii s drevnejshih vremeni do konca XX v. (*Reforms in Russia from the Ancient Times to the end of 20th century*): in 4 Vol. Moscow: ROSSPEHN, 2016. Vol.3. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. (The second half of XIX – the beginning of XX) / ed by V. V. SHelohaev. 765 p. (In Russian)
5. Semevsckij M. I. Kritika (*Critics*) // Russkoe slovo. 1860. Yanvar'. P.66. (In Russian)
6. Semevsckij M. I. Tajnyj sysk Petra I (*Secret Investigation of Peter the First*). Smolensk: Rusich, 2000. 701 p. (In Russian)
7. Ubienie carevicha Alekseya Petrovicha. Pis'mo Aleksandra Rumyanceva k Titovu Dmitriyu Ivanovichu (*Killing Tsarevich Alexey Petrovitch. The Letter of Alexander Rumyancev to Titov Dmitriy Ivanovich*) // Polyarnaya zvezda. Zhurnal Gercena i Ogareva v vos'mi knigah. 1855–1869. Polyarnaya zvezda na 16858. Kniga 4. Moscow: Nauka, 1967. P.291. (In Russian)
8. Ustryalov N. G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. (*History of Ruling of Peter the Great*). Vol.6. Carevich Aleksej Petrovich. St.Petersburg, 1859. 671 p. (In Russian)
9. Verkeenko G. P., Kazakova O. Yu. «Lyuboznatel'nyj i chestnyj truzhenik» Nikolaj Gerasimovich Ustryalov (*"Inquiring and true labourer" Nikolay Gerasimovitch Ustryalov*) (1805–1870 gg.). Orel: Orel State University, 2005. 198 p. (In Russian)

10. Елidel'man N. Ya. Gercen protiv samoderzhaviya (sekretnaya politicheskaya istoriya Rossii XVIII – XIX vv. i Vol'naya russkaya pechat'). (*Gercen against Autocracy (Secret Political History of Russia in 18–19 centuries and Free Russian Publishing)*). Moscow: Mysl', 1973. 368 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Айдунова Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры истории России института истории и международных отношений Южного Федерального университета / tat-apr@mail.ru

Information about the author

Aidunova Tat'yana – senior teacher, Chair of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / tat-apr@mail.ru